

Детский дом «Сяочэнсян» располагался в уезде Чжюань, затерянном среди изумрудных склонов горы Хуннин. Приют со всех сторон обступали величественные хребты, укрытые густой зеленью, — пейзажи здесь были поистине живописными.

Еще несколько десятилетий назад эти края считались глухой провинцией. Транспортное сообщение почти отсутствовало, а дороги были едва проходимы. По сравнению со стремительно развивающимся и процветающим центром города Линь, уезд казался осколком совсем иного, забытого мира.

Ситуация изменилась, когда на горах Хуннин открыли огромный карьер. К залежам камня потянулись сотни и тысячи рабочих. В погоне за заработком они оставались в этих краях годами. У многих дома были семьи, но в уезде Чжюань царила такая беспросветная нищета, что по вечерам здесь даже не зажигали огней. Не в силах вынести одиночества, мужчины сходились с местными девушками, и вскоре, как это часто бывает, начали появляться дети.

Одни отцы не желали брать на себя ответственность: считая, что рано или поздно вернутся в родные края, они бесчестно бросали младенцев и исчезали в неизвестном направлении. Другие вроде бы и хотели помочь, но когда объявлялись законные жены, жизнь превращалась в кошмар. Были и те, кто по полному неведению пренебрегал элементарной гигиеной в период беременности, из-за чего дети рождались с отклонениями. Таких малышей, считая обузой, просто оставляли на произвол судьбы.

Именно в таких условиях и возник приют «Сяочэнсян». Его основательницей стала пожилая женщина по имени Суй Ваньцзюнь.

Поначалу в стенах дома находили убежище лишь брошенные дети из окрестных сел. Местные жители прекрасно знали, чей это ребенок, поэтому, хоть официально сироту и сдавали в учреждение, биологические матери порой тайком передавали еду или вещи, не решаясь признать родство открыто. Суй Ваньцзюнь была женщиной самоотверженной и неутомимой; она посвятила заботе о воспитанниках всю свою жизнь.

Репутация «Сяочэнсяна» росла, а добросердечие его основательницы стало легендарным. Вскоре сирот сюда начали подкидывать даже из города. Несмотря на увеличивающееся число подопечных, приют жил бедно, но дети росли послушными и дружными. Старшие присматривали за младшими, избавляя Суй Ваньцзюнь от многих хлопот.

Позже на бедственное положение детского дома обратили внимание власти. Чиновники планировали распределить детей по государственным учреждениям, где те могли бы получить системное образование. Однако основательница, точно у нее отнимали плоть от плоти, готова была наложить на себя руки, лишь бы не разлучаться с воспитанниками. Сироты тоже не хотели уходить: они любили её за бесконечное терпение и доброту.

В итоге официальным структурам пришлось пойти на уступки. Приюту помогли оформить все

необходимые документы, но взамен потребовали допустить в штат профессиональных педагогов и управленцев. Пожилая женщина, однако, не доверяла чужакам. Любой конфликт интересов она воспринимала как безразличие молодых специалистов к её детям; она была убеждена, что никто не сможет любить сирот так, как она. Споры затянулись больше чем на год, и за это время несколько нанятых учителей уволились, не выдержав её придирок.

В конечном счете власти снова отступили. «Сяочэнсян» не только получил статус образцового учреждения, но и саму Суй Ваньцзюнь — женщину с неполным средним образованием и без всяких лицензий — утвердили в должности директора.

Широкой публике приют стал известен благодаря первой фазе клинических испытаний Люйиньсюй, но на деле он получал внушительную поддержку задолго до этого. Трудно было поверить, что в такой глуши может существовать детский дом, обустроенный роскошнее городских интернатов.

— Более того, ходят слухи, что здешним детям с бактериальной прогерией доступен Цзякэтин. Причем препарат нового образца, — Цзянь Фу пододвинул ноутбук к Цэнь Сяо и Ли Жуну, делая особый акцент на словах «нового образца».

В маленьком домике Суй Танхуэй после ремонта в гостиной появился большой стол. Простой, но длинный и широкий — точь-в-точь как в общежитии школы А, он легко вмещал пять-шесть человек.

— Да, именно об этом мне говорила соседка, — добавила тётя Хуэй. — Погодите, я сейчас позову её.

С этими словами она поспешила за дверь.

Ли Жун притянул ноутбук к себе и принялся изучать информацию. Большинство статей в сети носили восторженный характер: в них описывался тяжелый путь директора и те невероятные успехи, которых достиг детский дом под её началом. Фактов о конкретных воспитанниках было крайне мало — чтобы выудить их, Цзянь Фу пришлось бы прибегнуть к более изощренным методам, на что сейчас просто не хватало времени.

— Я примерно представляю, как устроены реалити-шоу, — заметил Линь Цинь. — Учитывая нынешние рейтинги, как только этот выпуск выйдет в эфир, «Сяочэнсян» окажется в центре внимания. Уверен, тогда помощи от общества станет еще больше.

Цзи Сяочуань, подперев подбородок кулаками, задумчиво произнесла:

— Значит, этот... шанс очень важен. Когда мой брат роди... родился, я тоже думала, что лучше бы... лучше бы мне самой оказаться в приюте. Но когда я по глупости туда при... пришла, выяснилось, что попасть к ним совсем не... не просто. Столько возни с бумагами. А эта Суй Ваньцзюнь принимает детей... вот так запросто. Это ведь нарушает... все процедуры.

Вскоре тётя Хуэй вернулась в сопровождении женщины средних лет.

— Это Шэнь Гуй. Она и рассказала мне, что в «Сяочэнсяне» можно достать Цзякэтин.

По сравнению с прошлым годом Шэнь Гуй заметно сдала: она осунулась и побледнела. Острые скулы придавали её лицу суровое выражение, из-за чего она казалась неприступной, хотя на самом деле была человеком мягким и отзывчивым.

— Я узнала об этом из нашего чата... Там собрались такие же горемыки, как я, кому не на что покупать лекарства. Мы просто пытаемся спасти своих детей. Кто-то разузнал, что в «Сяочэнсяне», в городе Линь, дают самый лучший Цзякэтин. Говорят, если принимать его до восемнадцати лет, болезнь можно обуздать. К тому времени ребенок уже вырастет... Еще слышала, что директор там очень сердобольная, никого не бросит. Я и подумала... подумала отдать туда Тунтун.

Закончив, Шэнь Гуй потерла лицо загрубевшими ладонями, и в этом жесте сквозила невыразимая мука. Она не знала, чем занимаются эти студенты, но доверяла Сюй Танхуэй. Если бы не забота тёти Хуэй, которая всё это время поддерживала её и одалживала деньги, женщина никогда бы не решилась на такое признание.

Ли Жун посмотрел на собеседницу, которая еще год назад из последних сил боролась за жизнь дочери. Сердце его сжалось от жалости, но голос остался спокойным:

— То, что вы задумали, — это отказ от ребенка. Это преступление. К тому же, сможет ли ваша дочь пережить разлуку и стать сиротой?

Шэнь Гуй горько усмехнулась, её глаза покраснели от слез.

— Мы с ней — единственные друг у друга. Неужели вы думаете, я сама хочу её оставить? Но я делаю это, чтобы спасти её! Разве у меня есть выбор? Кто виноват, что нам выпала такая доля, что эта болезнь — бездонная яма, из которой не выбраться?

Ли Жун глубоко вздохнул и отвел взгляд. Он всегда знал, что эта болезнь — проклятие для сотен семей, вечный страх для детей, который невозможно унять. Именно поэтому его родители, не считаясь ни с какими затратами, работали над созданием Люйиньской. Но прежде ужас бактериальной прогерии и важность поиска лекарства были для него лишь абстрактными понятиями. Только столкнувшись лицом к лицу с живым человеком, раздавленным этим горем, он по-настоящему осознал, какое великое и правое дело совершали его отец и мать.

Кто-то копит богатства ради славы, а кто-то пишет историю милосердием.

Цэнь Сяо пристально посмотрел на Ли Жуну, а затем холодно и твердо обратился к Шэнь Гуй:

— Вам не нужно плакать и уж тем более не нужно отдавать ребенка в приют. Подождите еще два года. Я обещаю: лекарство, которое полностью излечит эту болезнь, появится. И вы точно сможете его купить.

Пальцы Ли Жуна едва заметно дрогнули, а веки трепетали. Линь Цинь, Цзянь Фу и Цзи Сяочуань одновременно уставились на Цэнь Сяо с нескрываемым изумлением.

Шэнь Гуй лишь печально покачала головой.

— Не нужно меня утешать, — проговорила она надтреснутым голосом. — Такие лекарства не создаются по заказу. Слишком уж страшный это недуг.

Взгляд Цэнь Сяо стал стальным, а голос прозвучал с непоколебимой уверенностью:

— Создаются. И это будет создано. Для него нет ничего невозможного. Если он берется за дело — он доведет его до конца.

Ли Жун взглянул на юношу. За мгновением оторопи последовала мягкая, полная нежности улыбка. В его глазах, казалось, отразилось сияние тысячи звезд.

<http://bllate.org/book/15351/1506681>